

ЗЕМЛЯКИ

— Меня бабы любят, — говорил больным молодцеватый солдат с ежовой головой. Он стоял посередине избы. Кроме него, больных было еще трое. Они лежали на нарах, покрытых сухой, трухлявой соломой. Двое равнодушно смотрели в потолок, а третий неподвижно лежал в углу, весь замотанный и закутанный по-бабьи в тряпье. Его знобило.

Зима была северная: хмурая и глубокая. Деревянные дачи и сосны, похожие на карандаши. Над станцией белые комья паровозного пара и косые тучи ворон. Товарные вагоны с красными крестами и штабеля пестрых березовых дров.

Больные изнемогали от скуки и безделья. Однако из бригадного околотка на батарею никто возвратиться не хотел, потому что там нужно было ходить в наряды, копать и могло убить. У одного из солдат был ревматизм. Другой лечил чирьи на ногах. У обмотанного начинался тиф. Солдат с ежовой головой был болен нехорошей болезнью.

— Меня бабы любят, — говорил он, не торопясь. — Думаете — брешу? Ей-богу, не брешу. А за что любят — черт их знает. Я с бабами понимаю обращение. Бабу, главное, нужно брать не нахальством, а

обращением. Да. Потому не всякая баба уважает нахальство. Конечно, есть которые. Я за это ничего не говорю, однако — не все. С хорошей бабой надо все честь честью. Она тебе — да, и ты ей — да. Она тебе — нет, и ты ей — нет. Это надо понимать. Да. Служил я на действительной службе в холуях у капитана Вирена. Самостоятельный был человек капитан Вирен. И служила в ихнем доме одна девка. Горничная. Хорошая была девка, чистая. Вполне барышня. И поведения ничего себе. Я думал спервоначала ее узять нахальством. Ничего не выходит. Тогда я повел иначе. Она — да, и я — да. Она — нет, и я — нет. В лизионы с ней, в театры с ней. Шоколаду ей, например, куплял. Вышло по-моему. Она туды-сюды — уже поздно. Каждую ночь к ней лазил. Что ни на есть каждую. Аж надоело. Ей-богу. Меня бабы любят — это что и говорить.

В комнату вошел фельдшер с термометром.

— А ты что, земляк? Все брешешь, как тебя бабы любят? — спросил он. — Бреши, бреши. Оно и видно, как тебя бабы любят. — И подмигнул. — Ишь наградили.

— Эх, бабы! — с деланой беспечностью сказал бывший денщик. — Будь они трижды прокляты. Через них у меня уся жизнь, может, испорчена.

Фельдшер стал трясти за плечо обмотанного.

— Землячок, спишь? Проснись, слышь. Температуру надо мерить. Ишь трясешься. Градусов сорок небось наберется.

— Попить бы... — тихо сказал больной.

— Вставь-ка себе термометр под мышку.

Больной покорно взял термометр и затих. Ему было жарко и нехорошо.

В избе стемнело. Фельдшер ушел и пришел с кружкой и керосиновой жестяной лампочкой без стекла. Лампочка горела красноватым, коптящим

пламенем. Фельдшер поставил ее на печь, и сейчас же в окнах стало сине, а изба просветлела, но зато сделалось тесно и грязно.

— Что, плохо? — спросил фельдшер больного.

— Плохо.

— Надо доктору доложить.

Через полчаса привыкли к красному миганью лампочки, и стало опять скучно. Солдат с ревматизмом стал чесаться. Его кусали клопы.

— Черт! Кусаются, проклятые. Не люблю я через это Минской губернии, что в каждой халупе клопы.

Он суетливо стал на колени, вытащил из кармана стеганых ватных штанов засаленный коробок, зажег спичку и стал водить пламенем по стене.

— Опять жжешь клопов? — спросил солдат с чирьями.

— Ж-жгу, анафем. Закусали.

— Ты смотри халупу не подпали.

— Не бойсь.

Помолчали.

— Что и говорить, бабы меня любят, — сказал денщик. — А за что любят — неизвестно. Никакая против меня еще не устояла. Ей-богу. Вот я в прошлом годе был в отпуску, так от баб отбою не было. Солдатки. Скажённые женщины!

— Да, солдатки, это правда, — сказал выжигатель клопов. — Скажённые. Известное дело. Мужа дома нет.

— А что ж им смотреть, бабам-то! — сердито сказал солдат с чирьями. — Муж в окопах. Далеко. Без мужчины жить трудно! Эх, жизнь наша каторжная! Только если я узнаю, что моя жинка крутит, — убью. Ей-богу, убью!

— Ладно. Не убьешь, — сказал денщик. — Ты лучше послухай. Приезжаю я, значит, в отпуску. Все честь честью; конечно, загулял. От баб проходу нет. Только

мне таких баб не надо. Мне надо, чтобы баба была молодая и ничего из себя, гладкая. А у нас, третья хата с краю, живет одна, до-обрая баба. Солдатка. Зовут Даша. Дарья, значит. Аккуратная баба. Хорошо. Я на нее. Ничего. Соблюдает себя, и никаких. Я нахальством пробовал — не поддается. Честь честью пробовал — не поддается. «Ну, думаю, подкачал Егор. А еще артиллерист!» Подъезжаю к ней и так и этак — ничего. Прогуливаюсь с ней каждый день — ничего. Говорю ей: приду до тебя спать. А она сидит белая, как печка. Хоть бы улыбнулась — ничего. Я уже думаю себе — надо сниматься с передков, тикать. И так люди с меня смеются. Так нет же. Пришла до меня сама, представьте. «Не могу, говорит, больше стерпеть без мужа». А сама плачет, потому что мужа два года дома нет. Я ее, конечно, нежно так поцеловал, за ручки ее беру, и то и сё. Жил с ней до самого отпуска, как с женой: приду к ней ночевать — она сейчас с меня сапожки снимет, аж дрожит вся. Чудно! Всюду ходила за мной, как той цюцик. Даже надоело. Тихая такая. Хорошая баба. И, главное, кто только к ней из хлопцев ни подъезжал — ничего. А против меня не устояла. Меня бабы любят, это да.

— А ты сам какой губернии? — подозрительно спросил солдат с чирьями.

— Херсонский, Ананьевского уезда. Что, земляками будем?

— Не. Я таврический.

— Да. Славная была баба Даша. Одно слово, чай с молоком. Как сейчас вспомнить — аж сумно делается.

Наступила довольно долгая тишина.

— А вы какого села будете? — вдруг спросил слабым голосом обмотанный.

Все обернулись к нему. Из темноты угла блеснул только один его внимательный глаз.

— Мы из Николаевки, Ананьевского уезда. Что, земляками будем?

— Земляками, — ответил обмотанный. — Мы тоже николаевские.

— А! — удивился денщик. — Значит, Дашу-солдатку знаете?

— Знаю, — произнес слабый голос. — Жена она мне. Жена. Земляки, значит.

Сделалось так тихо, что стало слышно, как на позиции, верст за восемь, негромко стреляет пушка. Солдат с чирьями кашлянул.

— Испить бы, — прошептал обмотанный.

У него опять начинался озноб. Ему было холодно и тяжело. Хотелось ничего не видеть, не слышать и не чувствовать жара, который палил ему глаза и виски. Ему казалось, что нет ни войны, ни околотка, ни щетинистого солдата, что он у себя в избе и что все это ему только мерещится в страшном бреду.

1916

Действующая армия